

Ю. А. Виноградов

О ПОГРЕБЕНИИ ВОИНА У КАРАНТИННОГО ШОССЕ ПОД КЕРЧЬЮ

В 1834 г. во время археологических раскопок в районе дороги, ведущей в Новый карантин под Керчью, А.Б.Ашиком был открыт весьма любопытный памятник. Под курганной насыпью находилась гробница, сложенная из каменных плит, которая содержала две урны с трупосожжениями (большую и маленькую), железный шлем с серебряными украшениями, бронзовый щит, железный однолезвийный меч и пр., в специальном углублении в полу был положен набор серебряной посуды (рис.1; Спасский 1846: 132-134; ДБК: 62, 146 сл., 190 сл.; Ростовцев 1925: 205-206; Виноградов Ю.А. 1991). По находке монеты Лисимаха первые публикаторы памятника датировали его временем боспорского царя Перисада I (ДБК: 62) или чуть более поздним временем - 306 г. до н.э. (Спасский 1846: 133). Подобной хронологической атрибуции погребения был близок и М.И.Ростовцев (1925: 205).

Основное погребение гробницы исследователи сразу признали воинским. Правда, по тексту "Древностей Боспора Киммерийского" складывается впечатление, что воинским считалось трупоположение, от которого не осталось решительно никаких следов, а две урны рассматривались как захоронения праха жены или дочери воина и его слуги (ДБК: 62). Г.И. Спасский более логично писал, что, судя по маленькой серьге, детскому перстню и ожерелью, можно предполагать, что вместе с прахом воина был погребен прах его дочери (1846: 133). Вероятно, к последнему надо отнести и бронзовое зеркало с крышкой, украшенной рельефным изображением группы с Ариадной и Дионисом (Ашик 1849: 11; Би-

лимович 1976: 52-53,64,66). Г.И.Спасский даже рискнул высказать догадку, что находка монеты царя Фракии Лисимаха позволяет считать, что "погребенный воин или другая особа был фракиец" (Спасский 1846: 134).

Последнее предположение в настоящее время, очевидно, может показаться несколько наивным, однако многие другие наблюдения ученых XIX в. заслуживают серьезного внимания. Прежде всего, это вывод о воинской принадлежности основного погребения, на что указывают перечисленные выше интереснейшие находки предметов вооружения.

Железный меч длиной 0.7 м (рис.1, 2) относится к типу однолезвийных греческих мечей, за которыми закрепилось название махайр. Махайры, как принято считать, появились в Древней Греции в конце VI или начале V в. до н.э. (Remouchamps 1926: 60; Connolly 1981: 63) и существовали весьма продолжительное время - вплоть до эпохи эллинизма. Н.И.Сокольский полагал, что широкому распространению махайры на Боспоре способствовало присутствие в войсках фракийских наемников (Сокольский 1954: 136). Последнее предположение, возможно, не беспочвенно, но говорить о широком распространении махайры на Боспоре все-таки вряд ли возможно, поскольку до сих пор находка 1834 г. остается самой показательной в этом отношении.

Знаменитый железный шлем с небольшим гребнем и подвижными нащечниками (рис.1, 3) имел серебряные украшения в виде головы Афины над лбом, масок Медузы по бокам и не вполне ясных изображений на нащечниках, - М.И.Ростовцев видел здесь скифов (1925: 205), что весьма сомнительно, Б.З.Рабинович - фигуры Сциллы с факелами

(1941: 153), а В.Д.Блаватский - изображения Сциллы или местной змееногой богини (1954: 84). Имеющиеся аналогии позволяют говорить о широкой популярности шлемов этого типа в раннеэллинистическое время (см. Рабинович 1941: 152 сл.; Пилипко 1989; Connolly 1981: 81, №4; Waurick 1988: 169-173). Очевидно, были достаточно популярны и шлемы, изготовленные из железа, поскольку по свидетельству Плутарха в битве при Гавгамелах железный шлем надел сам Александр Великий (Plut.Alex. 32).

Вниманием ученых, на мой взгляд, обойдена находка овального бронзового щита (см. рис.1, 1), а она чрезвычайно любопытна. Во время обнаружения щит имел очень плохую сохранность и вскоре полностью рассыпался. Однако из описания и рисунка следует, что он имел вид выпуклого овала с обивкой гвоздями по краю. С внутренней стороны зафиксированы кожаные петли (ДБК: 148е). В.Д.Блаватский рассчитал его размеры (0.51 x 0.27 м) и заключил, что они отвечают величине щита всадника (Блаватский 1954: 84). Н.И.Сокольский рассматривал данную находку в плане распространения на Боспоре кельтских щитов типа туреос (1955: 16), но указывал также и на то, что боспорские овальные щиты, вероятно, развивались под фракийским влиянием (1955: 23). Первое предположение, по всей видимости, более предпочтительно. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что некоторые кельтские щиты, если судить по весьма показательному изображению на этрусской краснофигурной вазе, имели обивку гвоздями по краю, очень похожую на обивку керченского щита (Beazley 1947: 49, pl.VI, 5; Paul 1982: Taf.101).

В.П.Толстикова предложил схему развития щитов кельтского типа на Боспоре на протяжении нескольких веков. По ней находка из гробницы у Карантинного шоссе относится к весьма позднему времени - концу I в. до н.э. - III в. н.э., когда их облик заметно упростился, потеряв некоторые важные детали (Толстикова 1976: 89, рис.3). Классические туреосы, как хорошо известно, имели более крупные размеры (приблизительно 1.25 x 0.6 м), были изготовлены из дерева и, наконец, имели вертикальное ребро и выступ в центральной части (Kimmig 1940; Connolly 1981: 118-119; Eichberg 1987: 43 ff.).

Отличие рассматриваемой находки от клас-

сического типа щитов, возможно, следует объяснять несколькими обстоятельствами. Так, в отношении его внешнего облика необходимо помнить, что щит был обнаружен в очень плохом состоянии, так что какие-то детали устройства (к примеру, выступ в центре) были уже полностью разрушены, а возможность их реконструкции при уровне археологических знаний того времени, конечно, в высшей степени сомнительна. Что касается материала изготовления, то и здесь необходимо подчеркнуть, что, хотя щиты из дерева в кельтском мире безусловно доминировали, но все-таки известны и бронзовые их экземпляры. Сравнительно недавно такой щит был найден в Четси (Британия); размеры его значительно уступают деревянным - 83.6 x 46.8 см (Stead 1991: 5). Поскольку щит имел одну ручку, то предполагается, что для удобства переноски с задней стороны к нему крепились специальные ремни (Stead 1991: 23). Кожаные петли, как отмечалось, были замечены на керченской находке. Радиоуглеродная дата, полученная на основании исследования деревянной ручки щита из Четси, позволяет относить его к 400-250 гг. до н.э. Как считает И.М.Стед, этот щит был предназначен исключительно для церемониальных или культовых целей (Stead 1991: 23). Вероятно, не будет слишком смелым предположение, что и керченская находка использовалась подобным образом, во всяком случае, связь ее с кельтским миром представляется очень вероятной.

Странным образом этот щит выпал из круга зрения исследователей, немало потрудившихся при изучении древностей Северного Причерноморья, которые можно связывать с культурой кельтов (Кухаренко 1959; Трейстер 1992; Щукин 1994: 95-101; Treister 1993; Shchukin 1995; Woźniak 1976). Совсем не исключено, что их смутили те особенности щита, о которых говорилось выше (размеры, материал изготовления и отсутствие некоторых характерных деталей внешнего оформления). Что касается изображений кельтских щитов, то наиболее ранние из них на Боспоре встречаются на монетах Левкона II, обычно датированных второй-третьей четвертями III в. до н.э. (Зорграф 1951: 182; Сокольский 1955: 16; Шелов 1953; 1956:153; Трейстер 1992: 37-39; Treister 1993: 789-791). На боспорских надгробиях такие изображения появляются с конца III в. до н.э. (Толстикова 1976:

85), а на терракотовых статуэтках - во II в. до н.э. (Пругло 1966). Все эти факты позволяют предполагать существование непосредственных контактов между Боспорским государством и кельтами в III-II вв. до н.э., вероятно выразившихся в привлечении сюда кельтских наемных отрядов (Шелов 1953: 30 сл.; Пругло 1966: 210; Трейстер 1992: 39; Treister 1993: 791). В связи с изложенным очень важное значение приобретает вопрос о датировке погребения воина у Карантинного шоссе, а он, как представляется, достаточно непрост.

Как уже отмечалось, исследователи XIX в. датировали комплекс концом IV в. до н.э. Позднее дата стала постепенно омолаживаться, - Д.З.Рабинович относил погребение к началу III в. до н.э. (1941: 152), В.Д.Блаватский расширил датировку в пределах всего III в. до н.э. (1954: 83-84) и, наконец, З.А.Билимович отодвинула ее до третьей четверти II в. до н.э. (1976: 53,66). Последняя хронологическая атрибуция представляется весьма сомнительной. З.А.Билимович посчитала, что статер, обнаруженный в погребении у Карантинного шоссе, относится к посмертной серии Лисимаховской чеканки. Ссылаясь на разработку М.И.Максимовой по Артюховскому кургану, она датировала статер, а вслед за этим и все погребение третьей четвертью II в. до н.э. (Билимович 1976: 53). Сразу следует подчеркнуть, что М.И.Максимова датировала обозначенным временем не статер из Артюховского кургана, а весь этот памятник (Максимова 1960: 57; 1967: 241-242). Статер же Лисимаха оттуда она сначала относила к концу III - первой половине II вв. до н.э. (Максимова 1960: 49), позднее повысив датировку приблизительно до середины столетия (Максимова 1967: 242).

В отношении группы погребений у Карантинного шоссе с богатыми наборами серебряной посуды М.И.Максимова указывала, что они содержали статеры не посмертной, а прижизненной чеканки Лисимаха, и датировала эти памятники вообще и комплекс 1834 г. в частности первой половиной, а может быть и первой третью III в. до н.э. (Максимова 1979: 72). Одна из крупных заслуг выдающейся исследовательницы перед наукой о северопричерноморских древностях заключается в ее разработке хронологической схемы развития греческого столового серебра, выделения в особую серию находок у Карантин-

ного шоссе (Максимова 1979: 72-76). Предложенные ею датировки не изменились до сих пор: серебряный амфориск с цепочкой из рассматриваемой гробницы датируется началом III в. до н.э. (Античное художественное серебро 1985: 29, №27), серебряный черпак - первой четвертью III в. до н.э. (Античное художественное серебро 1985: 29, №28). Бронзовое зеркало с изображением Диониса и Ариадны, по заключению З.А.Билимович, следует датировать III в. до н.э., хотя изготовлено оно еще в традициях IV в. до н.э. (1976: 53). Шлем, очевидно, тоже следует датировать в пределах III в. до н.э. (Connolly 1981: 81, №4). Так что предложенная М.И.Максимовой хронологическая атрибуция погребений Карантинного шоссе первой половиной III в. до н.э. вполне приемлема, хотя в отношении гробницы 1834 г., возможно, будет оправданно приблизить ее к середине столетия. Такому предположению не противоречат и другие находки, к примеру, - чернолаковая пелика с каннелированным туловом (см. рис.1, 1). Приведенные соображения позволяют высказать, на мой взгляд, одно важное заключение, - рассматриваемый археологический комплекс по времени очень близок выпуску монет царя Левкона II, на которых, как уже отмечалось, было отчеканено изображение кельтских щитов, а может быть, и кельтских кинжалов с псевдоантропоморфной рукоятью (см.Трейстер 1992: 39; Treister 1993: 790).

Все изложенное выше приобретает особое значение, поскольку сравнительно недавно для керченской гробницы появилась хорошая аналогия, - это погребение, открытое в кургане у д.Продроми в Эпире (Choremis 1980; Rakatsanis, Otto 1980). Данный комплекс был обнаружен случайно при дорожных работах и, разумеется, в немалой степени пострадал, однако общий его облик восстанавливается достаточно отчетливо. Твердо установлено, что в кургане у д.Продроми была выявлена гробница, сложенная из каменных плит (рис.2, 1). В ней находилась бронзовая гидрия с прахом погребенного, а также два железных шлема, очень похожих на керченскую находку, один из которых покрыт серебром (рис.2, 2), железный меч типа махайры (рис.2, 3) и хорошо сохранившийся железный панцирь типа мускульной кирасы (рис.2, 4).

Этот комплекс, безусловно имеющий очень большое значение для изучения древнегречес-

кого вооружения, датируют по-разному. К примеру, его относили к третьей четверти IV в. до н.э. (Chogemis 1980: 18), явно удревяня сделанные здесь находки. Всего скорей, курган у д.Продроми следует датировать более поздним временем. Д.Ракатсанис и Б.Отто считают его погребением представителя социальной верхушки Эпира, который жил и умер при знаменитом царе Пирре (Rakatsanis, Otto 1980: 57), что представляется вполне вероятным. Поскольку, как хорошо известно, Пирр погиб при штурме Аргоса в 272 г. до н.э., то захоронение у д.Продроми можно датировать в пределах первой трети III в. до н.э. и считать два рассматриваемых комплекса (керченский и эфирский) либо практически синхронными, либо, что более вероятно, первый из них признать несколько более поздним.

Близок обряд этих захоронений, - и там, и здесь открыты урновые трупосожжения в каменных ящиках под курганными насыпями. Оба погребения бесспорно являются воинскими. Наступательное вооружение в обоих случаях представлено махайрой, а оборонительное - весьма схожими шлемами, мускульной кирасой в Продроми и овальным щитом под Керчью. В погребении у Карантинного шоссе, как отмечалось выше, было обнаружено несколько серебряных сосудов, но определенный интерес к предметам торевтики демонстрирует и комплекс в Эпире, - несмотря на случайность его обнаружения и вполне вероятную неполноту, здесь все-таки находилась художественная бронзовая гидрия, служившая, правда, урной для праха.

Явная культурная и хронологическая близость данных памятников, разделенных столь большим пространством, позволяет, на мой взгляд, высказать одно важное предположение. Погребенные здесь воины являлись наемниками, этими античными "солдатами удачи", готовыми сражаться за деньги где угодно и за кого угодно - в Эпире, на Боспоре и в любом другом месте. Можно даже предположить или, скорей, высказать догадку, что воин, гробница которого была открыта у Карантинного шоссе, происходил из Эпира, точнее, - какое-то время сражался в войсках эпиротов, а состав этих войск, конечно, был интернациональным. Вряд ли стоит доказывать то положение, что наемники во все времена и у всех народов создают свою, весьма своеобраз-

ную субкультуру как в плане материальном, так и социально-психологическом. Разумеется, и в среде греческих наемников была выработана своя шкала ценностей, по которой какой-то образ поведения считался, так сказать, идеальным, обладание какими-то типами вооружения и прочими дорогими предметами (серебряная посуда и т.п.) представлялось особо престижным и социально значимым. Войско царя молоссов Пирра в этом отношении, надо думать, давало весьма благодатную почву, и процессы стандартизации воинской субкультуры, выработки моды на особо престижные предметы и т.д. шли здесь очень активно.

В свете изложенного, вероятно, станет более понятным факт наличия в гробнице у Карантинного шоссе бронзового овального щита, близкого, как представляется, к кельтскому типу. В плане контактов Пирра с кельтами-галатами часто вспоминается его победа 274 г. до н.э. над Антигоном Гонатом, в войсках которого был отряд галатов. Захваченные тогда "длинные щиты" кельтов были посвящены в храм Афины Итони (Plut. Purg. 26; Paus. 1, 13.2; см. Бенгтсон 1982: 133). Однако эти контакты отнюдь не ограничивались знаменитым сражением, они были значительно разнообразней и сложнее (см. Kienast 1963: 156ff.). Плутарх свидетельствует, что после возвращения царя молоссов из Италии, когда его войско насчитывало всего 8 тыс. пехоты и 500 всадников, к нему сразу, еще до битвы с Антигоном, присоединились некоторые из галатов (Plut. Purg. 26). После этого отряды галатов упоминаются в эпизодах почти всех боевых акций Пирра, включая и несчастный для него штурм Аргоса (см. Plut. Purg. 26, 28, 29, 32). Следует отметить и то, что галаты находились на службе у эпиротов позднее рассматриваемого времени (Polyb. II, 5.4). Об этих связях свидетельствуют также некоторые археологические материалы (Megaw 1968). Сказанного, на мой взгляд, вполне достаточно, чтобы предполагать немалую популярность кельтских контингентов в войске молоссов. После смерти Пирра его наемники, конечно, нашли новых хозяев, и, очевидно, часть этих "солдат удачи", в состав которой входили и галаты, попала на Боспор. Именно тогда кельтские щиты были запечатлены на монетах Левкона II, а медный овальный щит, вероятно имевший ри-

туальное значение, был помещен в могилу одного из руководителей этого отряда наемников. Разумеется, кельтское происхождение знатного воина, погребенного у Карантинного шоссе, предполагать отнюдь не обязательно.

Хочется обратить внимание еще на одно обстоятельство, - в серии ранних боспорских терракотовых статуэток, изображающих галатов, представлен тип воина, опирающегося на большой овальный щит и облаченного в панцирь типа мускульной кирасы (Пругло 1966: 205; Толстиков 1976: 86). Учитывая находку у д.Продроми, представляется возможным высказать догадку, что в рассматриваемом контексте этот панцирь мог появиться на севере Балкан, где в войсках Пирра тесно переплетались греческие, македонские, кельтские и пр. традиции. В отношении боспорских терракот исследователи достаточно резонно указывают, что они создавались, так сказать, с натуры, то есть коропласты видели воинов-галатов в мускульных кирасах и с овальными щитами (Пругло 1966: 208; Толстиков 1976: 86; Shchukin 1995: 218).

Однако, не гипотетические эпиро-кельто-боспорские связи прежде всего должны привлечь наше внимание. Хочется еще раз подчеркнуть главное, - в гробнице у Карантинного шоссе, всего скорей, был погребен наемник. Ю.Г.Виноградов обоснованно полагает, что уже в IV в. до н.э. не имеется никаких данных о наличии на Боспоре гражданского ополчения, ранние Спартокиды использовали воинские контингенты, состоявшие из наемников и варваров (1991: 29). Иными словами, эти контингенты были разноэтничными, а внутри моноэтничных групп, к примеру, греческих, они явно были гетерогенными, то есть

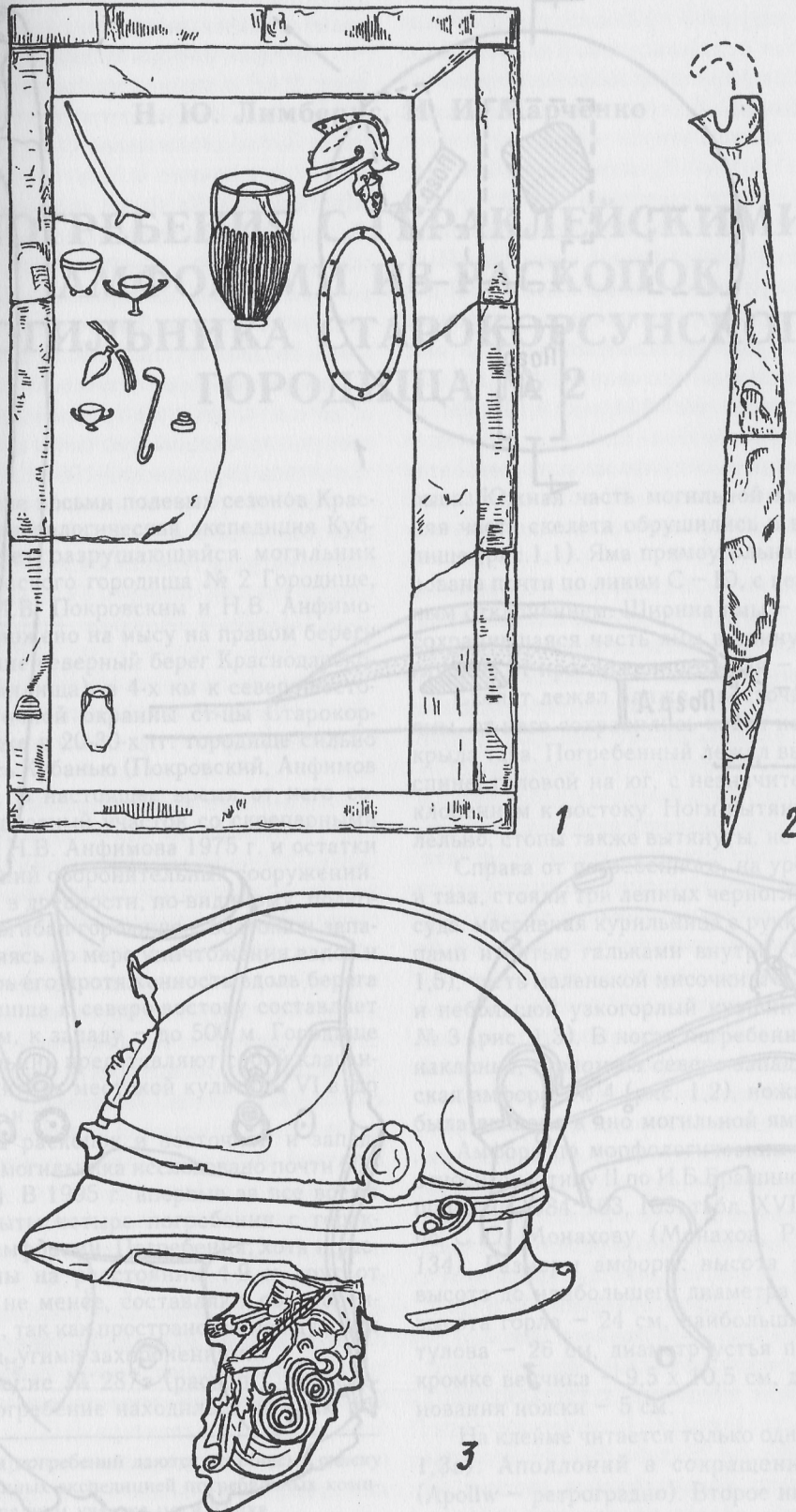
происходили из различных государств. Так, судя по сообщению Диодора Сицилийского (XX, 22), известно, что в войске Сатира, одного из сыновей Перисада I, вступивших в борьбу за власть в 310/9 г. до н.э., было 2 тыс. греческих наемников и столько же фракийских. О том же свидетельствуют и некоторые эпиграфические материалы. Среди них - надгробие первой половины IV в. до н.э., принадлежащее пафлагонцу, который погиб, "сражаясь в земле маитов (меотов)" (КБН 180). Иногда считается, что декрет в честь Левкона I (КБН 37) был принят аркадскими наемниками (Блаватский 1954: 71; Сокольский 1958: 300-301; но ср. Гайдукевич 1960: 107; Яйленко 1986: 224-225). В.П.Яйленко относит к надгробиям наемников эпитафии сиракузянина (КБН 203), киприота (КБН 236), хиосца (КБН 1233) и некоторые другие (Яйленко 1990: 293,303).

В подтверждение обозначенной точки зрения, как я пытался показать, сейчас можно привести и археологические данные, которые в немалой степени расширяют наши знания о наемниках на службе у боспорских царей. Значение погребения, открытого у Карантинного шоссе в 1834 г., в этом отношении трудно переоценить. В связи с изложенным хотелось бы также призвать специалистов по античной истории Северного Причерноморья к более внимательному и уважительному отношению к исследованиям далеких предшественников, которые отнюдь не всегда имеют, так сказать, историографическое значение. Многие из них в свете результатов современных археологических раскопок приобретают новое, порой неожиданное звучание.

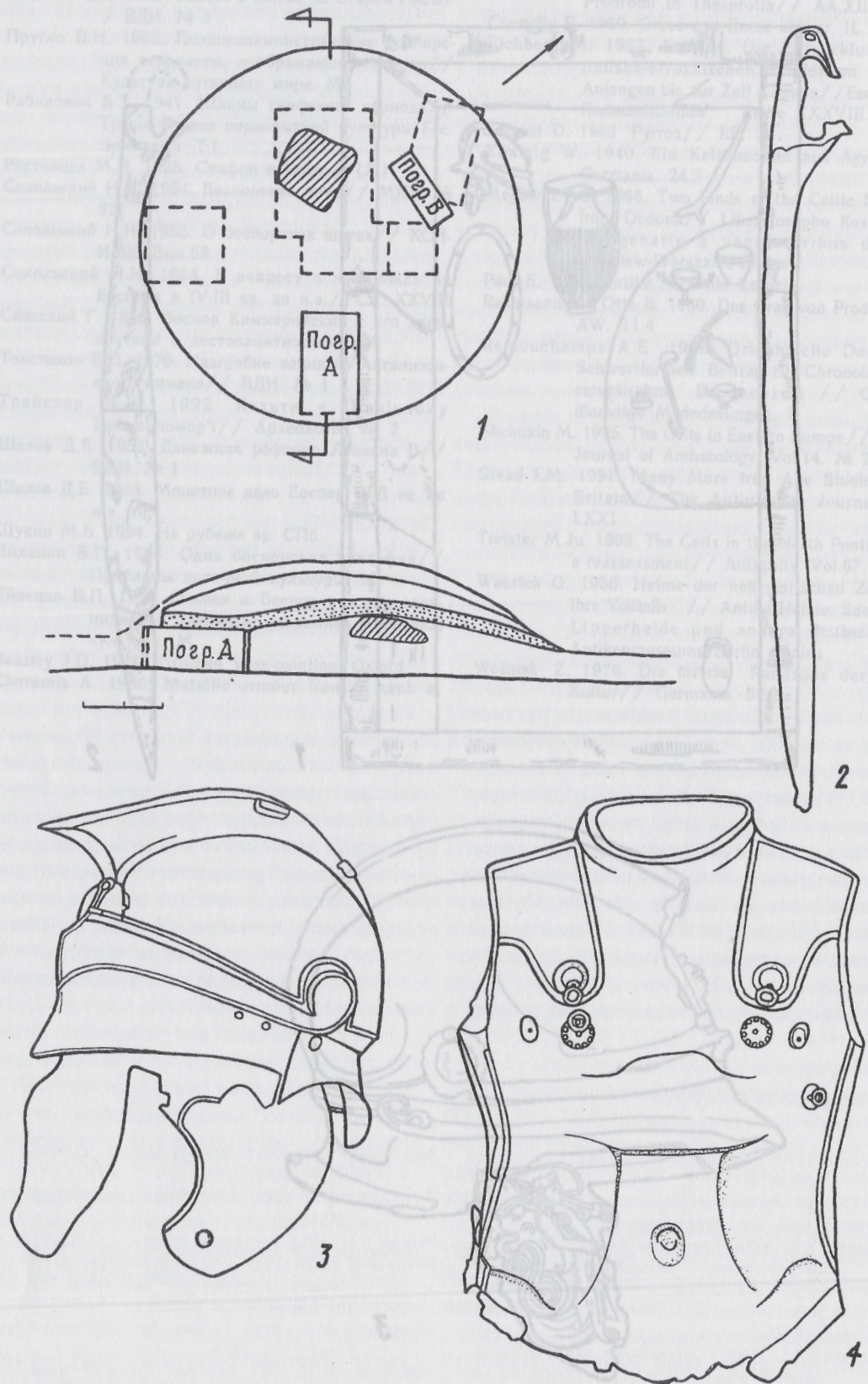
Список литературы

- Античное художественное серебро. 1985. Каталог выставки. Л.
- Ашик А. 1849. Восторское царство. III. Одесса
- Бенгтсон Г. 1982. Правители эллинизма. М.
- Билимович З.А. 1976. Греческие бронзовые зеркала из эрмитажного собрания // ТГЭ 42
- Блаватский В.Д. 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Виноградов Ю.А. 1991. О погребении воина у Карантинного шоссе (1834 г.) // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. конф. I. Симферополь
- Виноградов Ю.Г. 1991. Фанагорийские наемники // ВДИ. № 4
- Гайдукевич В.Ф. 1960. Боспор и Аркадия // ЗОАО. I(34)
- Зограф А.Н. 1951. Античные монеты // МИА. № 16
- Кухаренко Ю.В. 1959. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. № 1
- Максимова М.И. 1960. О дате Артюховского кургана // СА. № 3
- Максимова М.И. 1967. Еще раз о дате Артюховского кургана // СА. № 2
- Максимова М.И. 1979. Артюховский курган. Л.

- Пилипко В.Н. 1989. Голова в шлеме из Старой Нисы // ВДИ. № 3
- Пругло В.И. 1966. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира. М.
- Рабинович Б.З. 1941. Шлемы скифского периода // Труды Отдела первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т.1
- Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. (Л.)
- Сокольский Н.И. 1954. Боспорские мечи // МИА. № 33
- Сокольский Н.И. 1955. О боспорских щитах // КСИ-ИМК. Вып.58
- Сокольский Н.И. 1958. К вопросу о наемниках на Боспоре в IV-III вв. до н.э. // СА. XXVIII
- Спасский Г. 1846. Боспор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М.
- Толстикова В.П. 1976. Надгробие воина из Ахтанзовского лимана // ВДИ. № 1
- Трейстер М.Ю. 1992. Кельти у Північному Причорномор'ї // Археологія. № 2
- Шелов Д.Б. 1953. Денежная реформа Левкона II // ВДИ. № 1
- Шелов Д.Б. 1956. Монетное дело Боспор VI-II вв. до н.э. М.
- Шукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
- Яйленко В.П. 1986. Одна боспорская эпитафия // Проблемы античной культуры. М.
- Яйленко В.П. 1990. Ольвия и Боспор в эпоху эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.
- Beazley J.D. 1947. Etruscan Vase-painting. Oxford
- Choremis A. 1980. Metallic armour from a tomb at Prodromi in Thesprotia // AA.XIII
- Connolly P. 1980. Greece and Rome at war. (L.)
- Eichberg M. 1987. Scutum. Die Entwicklung einer italisch-etruskischen Schildform von den Anfängen bis zur Zeit Caesars // Europäische Hochschulschriften. Reihe XXXVIII. Bd.14
- Kienast D. 1963. Pyrrhos // RE. 24
- Kimmig W. 1940. Ein Keltenschild aus Ägypten // Germania. 24.2
- Megaw I.V.S. 1968. Two Finds of the Celtic Iron Age from Dodona // Liber Iosepho Kostrowski octogenario a veneratioribus dicatus. Wroclaw-Warszawa-Krakow
- Paul E. 1982. Antike Keramik. Leipzig
- Rakatsanis D., Otto B. 1980. Das Grab von Prodromi // AW. 11.4
- Remouchamps A.E. 1926. Griechische Dolch- und Schwertformen. Beitrag zur Chronologie der europäischen Bronzezeit // Oudheidkundige Mededeelingen. 7
- Shchukin M. 1995. The Celts in Eastern Europe // Oxford Journal of Archaeology. Vol.14. № 2
- Stead I.M. 1991. Many More Iron Age Shields from Britain // The Antiquaries Journal. Vol. LXXI
- Treister M.Ju. 1993. The Celts in the North Pontic Area: a reassessment // Antiquity. Vol.67. № 257
- Waurick G. 1988. Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // Antike Helme: Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin. Mainz
- Wozniak Z. 1976. Die östliche Randzone der Latén Kultur // Germania. 54.2

Погребение у Карантинного шоссе под Керчью

Погребение у д.Продроми (Эпир)